

Моим сыновьям

Точка возврата

3 января 1991 года

Иллюминаторов нет — из самолета не выглянуть. Ни тебе голубого неба, ни белых облаков, похожих на мерзлую землю, куда мы скоро должны сесть. На военном самолете «Геркулес» модели RNZAF LC-130 ни ковра, ни подушек, ни шумоизоляции. Мы, съемочная группа из шести человек, сидели напротив ряда ученых и военных. Кресла — не что иное, как сплетенные в паутину ремни, которые удерживали наши задницы над болтами. Желудок то и дело скручивало, приходилось бежать в хвост самолета, к специальному ведру. И не только мне. Каждый раз, когда одного из парней рвало, происходило нечто вроде цепной реакции. «Зато не пешком», — проорал своему соседу военный. «Не сильно лучше», — ответил тот.

Внезапно мы вошли в зону турбулентности, и пилот как нельзя кстати объявил, что мы достигли точки возврата. Бертран слева от меня прокричал, что теперь, даже если разыграется буря, либо нам придется приземлиться, либо мы разобьемся в Антарктике, потому

что не хватит топлива вернуться. С мальчишеским восторгом он добавил, что, если садиться в Мак-Мердо будет слишком опасно, мы вынуждены будем лететь на Южный полюс и искать полосу для самолетов с лыжными шасси там ну или приземляться на свой страх и риск посреди белой тьмы*. Бертран внешне гораздо больше походил на помощника Санты, нежели на талантливую режиссера, каким я его знал, и все из-за рыжих волос, выбивающихся из-под фирменной кепки закусочных BeaverTails, бороды, которую не мешало бы немного усмирить, и носа, красного от холода и выпивки. Раскатистый смех по прихоти природы больше походил на рычание, а кустистые брови только усиливали сходство.

Несмотря на шум турбовинтовых двигателей, кое-кто из парней клевал носом. Я спать не мог. Слишком много «а вдруг». А вдруг со мной что-нибудь случится, прежде чем я расскажу обо всем? Мне вспомнился трагический рейс 901 — один из туристических полетов, которые обычно начинались и заканчивались в Новой Зеландии, в один день, без посадки в Антарктике. Их называли «полеты в никуда».

* Атмосферное оптическое явление, при котором в полярных регионах из-за отсутствия контраста между небом и землей все кажется окутанным однородным белым светом и пропадает возможность ориентироваться в пространстве. — *Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, прим. ред.*

Мы приземлились на ледяную взлетно-посадочную полосу. Выйдя на площадку, я увидел бескрайнюю, нетронутую белизну. От восторга перехватило дыхание. Так, наверное, чувствует первый вдох новорожденный: воздух опалил легкие — и тут же ощутимый шлепок по спине выбил из меня возглас удивления. Так я и думал — Бертран. Мне стоило огромных усилий сохранить невозмутимое выражение лица: он надел мохнатую енотовую шапку, сбоку свисал полосатый хвост. Не спрашивайте, как эта мертвая пыльная штука прошла таможенную в Новой Зеландии, хоть даже и просто транзит. Недочучело вдобавок к буйной бороде и лохматым бровям — я будто столкнулся лицом к лицу со снежным человеком.

— Не трясись, Итан. Тут нет ни белых медведей, ни волков, ни ЛОСЕЙ, — поддразнил он меня.

Про лосей — наша с ним старая шутка.

— Да-да. — Я не удержался и дернул за енотовый хвост. — Выглядишь как недостающее звено, с этойкой штукой на голове!

— Оставь мою шапку в покое. — Он хлопнул меня по руке.

Вскоре подошли остальные, и Бертран выдал зажигательную речь «ради чего мы все здесь собрались».

— Опасайтесь снежных мостов. Не доверяйте гладкой поверхности, она может быть в палец толщиной. А внизу, — он присвистнул, — пропасть в сотню футов. Так что, если я говорю «замри», вы замираете как столб!

— Мы уже как ледяные столбы, — пошутил я, хотя суровым квебекцам вокруг меня, кажется, все было нипочем.

Бертран продолжил:

— Мы не уедем, пока не воплотим сценарий Итана. — Он положил руку мне на плечо. — Пока не проникнемся духом этого места. Когда мы закончим, я бы хотел посвятить документальный фильм Орели — моей жене, которая терпит меня и всю эту киношную кутерьму вот уже тридцать четыре года. Так что не натворите глупостей, чтобы мне не пришлось посвящать кино вам вместо жены.

Мы с Берtrandом закадычные друзья. Я мог бы долго расписывать, какое у него золотое сердце, как он всегда вступает за слабых и смеется громче, чем кричит, безошибочно видит главное и не суетится насчет всего остального. Но он, насколько мне известно, еще жив, так что посвящать ему надгробные речи рановато.

Вскоре нас проводили в автобус «Иван-зе-терра»*, а по прибытии на станцию Скотт-Бейс показали каждому, где хранить вещи. Шкафчики, кстати, не запираются: видимо, тут никому не приходит в голову шарить в чужих вещах. Потом был инструктаж, как здесь все устроено — генератор, пожарная безопасность, медицина, где по малой нужде, а где по большой, куда идет

* Ivan the Terra — автобус повышенной проходимости, служащий транспортом на антарктической станции Мак-Мердо.

мусор, куда отправляется потом (назад в Крайстчерч), и тому подобные, иногда не самые полезные сведения. После нас отвели в куонсетский ангар. Я по опыту знал, что лучше выбрать койку над Бертраном, чем под ним, иначе его матрас провиснет до самого твоего носа. В столовой был шведский стол, и мы поели горячее. Бертран болтал с поваром. Подозреваю, он хотел с ним поладить и выведать, где кладовая, в которую можно пробраться ночью.

По вечерам здесь выключают отопление. Я сижу в одной из общих комнат, сейчас два градуса Цельсия (и температура понижается), на мне несколько овчин, текстовый процессор слабо греет колени. Остальные давно отправились на боковую, уже за полночь, но солнце не садится, и время суток не чувствуется. Я веду дневник, чтобы рассказать, чем занимаюсь в Антарктике, так далеко от дома, но важно другое. Я затеял все это во время тревожных ночей, чтобы не съехать с катушек, — своего рода способ выжить здесь, пока нахожусь в добровольном изгнании. Как бы то ни было, мне чертовски необходимы пространство, чистый лист и уединение, только так я смогу выговориться, рассказать обо всем и убедиться, что правда записана на бумагу. А значит, пора открыть лежащий на полу кожаный ранец: он набит старыми личными записями, которые я вел в течение десятка лет. Думаю, именно сейчас я по-настоящему достиг точки возврата.

Намбасса

27–29 января 1979 года

Кто не был на Намбассе, никогда не поймет ее магии, так же как не смогут должным образом описать это место побывавшие там: вместо ковра-самолета у них получится половик. Если по существу, на ферме в Голден-Вэлли проходил фестиваль музыки, ремесел и альтернативного образа жизни. Собрались десятки тысяч людей, всем видом навевавшие воспоминания о Вудстоке, празднике мира и любви, мечте каждого хиппи. Я могу рассказать немного, коснуться верхушки айсберга. Толпы слушателей поднимали зажигалки под Little River Band; кавер-группы исполняли хиты The Doors и Боба Дилана; лес людей и путающиеся под ногами дети; обнаженные женщины, не стесняясь, охлаждались в портативных душевых кабинках. Чувство свободы, ощущение, что ты слегка паришь над землей. Ладно, не отрицаю, я и сам пару раз затянулся косяком, сладковатый дымок, исходящий от окружающих, действовал как этакая всеобщая ароматерапия.

Я собирался поехать с Оливией, моей тогдашней девушкой, но не вышло: она ненавидела «все эти концерты и толчею». Я никогда не дотягивал до ее идеала — какого-нибудь Барри Манилоу (хороший образец ее музыкального вкуса). На открытом воздухе повсюду что только не продавали и не обменивали, а где находилось местечко для стола — проводили сеансы массажа и рефлексотерапии. На одном прилавке — чоли, сари, женские шаровары; момо, самса и нааны — на другом, множество фигурок будд... Не знай я, где нахожусь, подумал бы, честное слово, что на Гоа, а не в Новой Зеландии. На второй день фестиваля мой взгляд привлекла тонкая, хрупкая блондинка с волосами ниже пояса. Она стояла у стола с «кольцами настроения», сверкавшими на солнце, и, казалось, была чем-то расстроена. Руки ее дрожали, когда она рассматривала одно из колечек. Она была чудно одета — в узкие белые бриджи для верховой езды и старомодную белую рубашку, грязную и в пятнах от травы. Словно ей нужно было с кем-то разделить момент — и по случайности этим человеком оказался я, — она бросила на меня взгляд и сказала:

— Знаешь, как это работает? Жидкие кристаллы реагируют на того, кто носит кольцо. Цвет показывает настроение. Будто раскрывается радуга, полоса за полосой.

Я подумал, все и правда плохо, если ей для понимания своих чувств нужен «магический» объект. С усмешкой она надела кольцо и спросила:

— Какая я сегодня? *Испуганная? Сердитая?*

— В раздрае? — предположил я, хотя подумал, что, скорее всего, просто под кайфом.

Девушка двинулась дальше, пробудив во мне любопытство и в то же время встревожив. Она обхватывала себя руками, нетвердо шагала от прилавка к прилавку и в океане людей казалась одинокой и ранимой... Затем она медленно прошла через толпу наискосок в сторону поля, ее будто уносило течением, а я следовал за ней на небольшом расстоянии.

Приблизившись к загону, где стояли две лошади, которых, кажется, разморило на солнце, она погладила их носы так, словно животные могли ее утешить.

— Хотите, чтобы эти докучливые мухи оставили вас в покое, да? — спросила она, отгоняя рукой темную тучу насекомых. Когда она нежно притянула голову каждой лошади к своей, я почти захотел стать лошадью.

— Эй, привет. Я Итан. — Я подошел и встал рядом. — У тебя все нормально?

Вблизи она выглядела лет на восемнадцать-девятнадцать. Настоящая красotka, бледно-голубые глаза с опущенными уголками, выгоревшие на солнце ресницы и обгоревший нос, красивые пухлые губы — было в ней что-то простое, естественное, почти скандинавское.

— Давай посмотрим. — Щурясь от солнечного света, она посмотрела на новое кольцо. — Хм, могло быть и лучше.

Я готов был поклясться, что услышал слово «янтарь», когда она подошла ко мне показать кольцо. Я посмотрел на безделушку.

— Оно черное, — произнес я озадаченно.

Она сморщила нос и задумалась.

— Не янтарного цвета, — сказал я.

Она кивнула и добавила:

— Не янтарь, Эмбер*. Я Эмбер.

Черт, она же протянула руку для рукопожатия!

— О, прости! Я думал, ты говорила о жидких кристаллах, что они, ну, такие, янтарные.

Мы засмеялись, потом постояли немного, не зная, что сказать.

— Ты прискакала сюда на лошади? — Я попытался завязать разговор.

Она посмотрела на свои бриджи для верховой езды, и плечи ее опустились.

— Понимаю: я выделяюсь из всей этой толпы. У меня есть старший брат, он привез меня сюда и пошел развлекаться с друзьями.

Это, похоже, о чем-то ей напомнило, и она помассировала висок.

— Мы приехали сюда в последнюю минуту — искали мира и убежища.

— Мира и убежища?

* Amber в пер. с англ. — янтарь и янтарный цвет.

— Чтобы его не прибили из-за пиаффе и поворотов на задних!

Мое лицо, должно быть, ничего не выражало, так что она изобразила, будто держит поводья.

— Дэниел занимается дрессурой, а мой отец лошадей разводит. Для папы трюки — так же плохо, как если бы мальчик захотел танцевать балет.

— Мы, случайно, не родственники — по отцу? Мой считает, что только у девушки могут быть длинные волосы.

На этих словах она прикусила губу:

— Все потому, что лошадь сломала ногу, когда они занимались. Пришлось ее усыпить.

Мы медленно пошли туда, где было не так людно. Залив превратился в ясную бирюзу, подернутую рябью света, до нас доходил аромат соленой воды, и там мы решили остановиться. Остаток дня, всю ночь и весь следующий день допоздна я делился с Эмбер всем: сырными лепешками, булочками с изюмом, имбирным пивом, походным ковриком и спальным мешком, который я вытащил, чтобы укрыть нас от комаров, когда стемнело. Она тоже делилась со мной всем: гигиенической помадой, знаниями о зодиакальных созвездиях, грандиозными планами по спасению океана и животных и защите мира от гибели. Если не считать утреннего купания в одном белье, мы все время разговаривали. Вообще-то поначалу говорила она, я по большей части слушал.

— Лошади сильные и здоровые, но один неверный шаг — и они будто из стекла, — сказала она. — Такая лошадь, как та, стоит не меньше, чем дом, и папа даже не смог оставить ее спокойно доживать в конюшне, потому что кость ноги дробится, как стекло, ее правда уже не вылечить. Бедная лошадь только мучилась бы. Папа так любил ее. Жеребенком она постоянно подпрыгивала, и он назвал ее Попкорн.

Она рассказала, как отец навел на Попкорн винтовку, но отложил ее и побрел прочь, ломая голову в поисках другого варианта... которого, увы, не было, — даже Эмбер это знала. Так что она подняла винтовку. От пронзительного ржания она вздрогнула так сильно, что, только услышав грохот, поняла, что выстрелила.

Не думаю, что она впоследствии помнила и половину того, что рассказала мне, пока все еще была потрясена случившимся, потому что спустя несколько недель я поднял эту тему и история неожиданно изменилась. В этот раз выходило так, что отец отослал Эмбер в дом и застрелил Попкорн в упор, так что кровь забрызгала всего Дэниела. Может, Эмбер не хотела, чтобы кто-нибудь, включая ее саму впоследствии, знал, что она совершила такую жестокость, пусть и вынужденную? Или это была версия «для всех», не та, что она сохранила для особенного человека в ее жизни?

Часы шли, и, когда рассвело, я разглядел едва заметные следы от соленых ручейков на ее щеках. Волны бились о берег, где-то вдалеке, как отголоски грома после

грозы, звучала музыка. На нас снизошло спокойствие, и, глядя в глаза, светло-голубые, как вода в бассейне, я представил, как в толще воды играют полосы света в солнечный день. Настал тот самый момент. Я мог бы поцеловать ее, я *должен* был поцеловать ее, особенно теперь, когда она смотрела мне прямо в глаза и я чувствовал — она хочет этого. Трудно объяснить, почему я сдал назад. Думаю, тогда она показалась мне слишком потерянной и эмоционально опустошенной. Еще больше я не хотел, чтобы потом она узнала, что я несвободен, и это разрушило бы ее доверие ко мне. Я хотел поступить порядочно, хотел быть хорошим парнем и начать все правильно.

Альбертон

30 января 1979 года

В то время в автобусах были так называемые коробки честности — специальные контейнеры, куда пассажиры опускали деньги за проезд. Не могу избавиться от мысли, что их больше нет из-за меня: когда не было нужной монеты, я использовал похожую на плоское кольцо штуковину из папиного ящика с инструментами. Бросаю в целом равное по стоимости, так я себя убеждал. Старый, похожий на военный джип уехал, а значит, родители Оливии уже отправились на работу. Скажем так, прошло не очень хорошо. Расставания всегда тяжело даются и рвут душу, все равно что отскрести жвачку от подошвы.

Несколько недель я звонил Эмбер так часто, как того допускали приличия. Наш первый телефонный разговор был абсурдным, потому что я отчетливо услышал лошадиное ржание в трубке и спросил:

— Это что, лошадь? Ржет? — Не могу объяснить, почему ее ответное «Это что, машина? Гудит?» так сильно нас рассмешило.

Может, то была эйфория от возможности снова разговаривать. Наша болтовня по телефону стала главным событием дня! Повесив трубку, я порой улыбался еще несколько часов. Например, в первую неделю после Намбассы она рассказала, как днем собирала дрова и увидела двух свидетелей Иеговы, подходящих к их дому. Эмбер узнала мужчину и женщину — они приходили пару месяцев назад, — так что спряталась за поленицей, радуясь, что осталась незамеченной... Ровно до того момента, как они обошли дрова, а там — она, сидит скрючившись. Между тем мужчина, держа полено, процитировал Библию: «Не прячься от присутствия Господа Бога среди деревьев сада». На следующей неделе я рассмешил ее до слез рассказом, как выполнял задание для Оклендского технологического университета. Я снимал море в черно-белом цвете. По пленкам шли противные полосы-трещины: ветер подхватил прядь моих волос и они оказались прямо перед линзой! Я с большим трудом выцарапал зачет, доказывая преподавателю, что так и задумывал: показать текстуру реальности, которая может в любой момент разбиться на осколки, совсем как наши хрупкие жизни.

У нас дома, в скромной гостиной, телефон висел на стене под лестницей, но, даже когда телевизор был включен и показывали шестичасовые новости, ничто так не интересовало маму и папу, как информация, которую они могли выудить из обрывков моих разговоров с «новой девушкой». Иногда это была всякая чепуха

о нашей совместимости: я — Рыбы, она — Водолей и родилась на три дня раньше меня. На самом деле Эмбер родилась на три года *позже* меня, но по дням — на три *раньше*, 17 февраля 1961 года. Через несколько недель ей будет восемнадцать, это родителей очень интересовало. В те дни все дома знали, кому я звоню, потому что платный код был супердлинным для супермаленького места, где она жила, 07127, и, хотя номер телефона сам по себе состоял только из четырех цифр, так получилось, что он оканчивался на 11, и повторяющийся ритм набора выдавал меня с потрохами. Виктория, моя младшая сестра, считала своим долгом подслушивать наши разговоры, тайком снимая на кухне трубку другого телефона. Уотергейт прямо в моем доме, и мама закрывала на это глаза — вероятно, потому, что стукачка все докладывала ей!

Однажды я спросил Эмбер, что, если мы с моим лучшим другом Беном приедем повидать ее в воскресенье. Я выбрал Бена не просто так: у него был автомобиль «Сузуки-Фронте» 1969 года — достаточно приличного вида, чтобы позвать именно Бена, но не настолько хороший, чтобы я без собственных колес выглядел неудачником. Кроме того, у Бена была расщелина на подбородке вроде попки недоношенного ребенка, так что, если у Эмбер не было чрезмерного материнского инстинкта, Бен и по внешности был мне не конкурентом. Но Эмбер извинилась, ей нужно ехать с отцом на ярмарку в Филдинг, показать там жеребцов-производителей (как я понял, это дорогие рысаки, выращенные вместе с матками).

В следующие выходные — ей «ужасно жаль» — у ее бабушки юбилей, семидесятилетие. Как бы Эмбер ни нравилось, что я ей звоню, меня не покидало ощущение, что ей не разрешалось «принимать гостей»: часто наши разговоры заканчивались резким «Мне пора!» или «Позже поговорим!», и она бросала трубку, если ее отец оказывался поблизости.

Как-то вечером спустя несколько дней я зашел в красную телефонную будку, желая получить хоть немного приватности, и через один гудок Эмбер ответила. Я сказал что-то о том, как мечтал услышать ее голос.

— Нет, юноша, — произнес голос. — Это мама Эмбер.

Ошибка мгновенно отрезвила меня.

— О, *простите!* — Я запнулся. — Вы, должно быть, миссис... — И только тут я осознал, что не знаю фамилии Эмбер.

Для меня она всегда была просто Эмбер, ну, как Шер — это Шер.

— Дириг, — подсказала мама Эмбер. — Миссис Дириг.

— Можно мне, э-э-э, поговорить с Эмбер?

— Она набирает воду для лошадей и вот-вот вернется.

Следующие несколько минут мои монетки сгорали быстро, как бенгальские огни. Время от времени я слышал только не в меру любопытного соседа (у Эмбер дома спаренный телефон). И все же мне казалось, что повесить трубку — означает показать: я не хочу разговаривать с ее матерью. Я слушал, как ритмично падают монеты, как их

проглатывает ненасытный автомат. Моя надежда исчезла с последней из них, телефон принял решение за меня.

10 марта 1979 года

Я приехал на полчаса раньше из страха на полчаса опоздать, так как никогда не знаешь наперед, каким будет движение в Окленде. Папа был добр: одолжил свой рабочий фургон. Правда, я решил припарковать его подалее — из-за трещины на лобовом стекле и надписи: «Нет слишком трудной или легкой работы!» (Правда лишь наполовину: кое-какая работа была слишком трудной и опасной, чтобы делать ее в одиночку, а с легкими задачами к нему не обращались.) К тому же я чувствовал себя неуютно, выбираясь из рабочей машины в новеньком костюме. Выглядело, будто костюм я украл, а мою машину забрали за долги.

Когда Эмбер упомянула «благотворительное мероприятие» на Маунт-Альберт-роуд 100, она ни словом не обмолвилась, что это Альбертон-хаус, двухэтажный белый особняк с выпендражными башенками. До этого я полагал, что в следующий раз увижу Эмбер на ее территории — у родителей на ферме. (Говорят ли «ферма» о месте, где выращивают рысаков?) Я практически ничего не знал о разведении лошадей, но легко мог представить, как Эмбер с заплетенными в две длинные косы волосами кормит лошадей с рук сеном или соломой. (Есть ли разница между сеном и соломой?)

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru